

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ АЛЕКСЕЯ КУДРИНА

Пандемия COVID-19 затронула абсолютно все сферы нашей жизни, а ее последствия оказали негативное влияние на стабильность экономических и финансовых систем во всем мире. Распространение вируса нарушило привычный уклад жизни, привело к серьезным изменениям в подходах к здравоохранению и образованию, туризму и сфере услуг, организации рабочих процессов и межличностной коммуникации. По силе и масштабу воздействия пандемию коронавируса можно сравнить с мировой войной или глобальной экологической катастрофой.

В то же время мощный толчок к развитию получили тенденции, которые начали входить в нашу жизнь в конце 20-х годов нового тысячелетия, — это дистанционные форматы общения, развитие электронно-цифровых сервисов, телекоммуникационных и мобильных сетей, анализа больших данных, облачных вычислений, внедрение искусственного интеллекта, интеграция современных технологий в финансовый сектор.

Но интенсивное развитие цифровых инструментов все плотнее привязывает личную и финансовую безопасность к кибербезопасности. Кризис создал идеальные условия для мошенников. В условиях пандемии COVID-19 заметно вырос уровень киберпреступности. В мировом масштабе только за первые пять месяцев 2020 года количество кибератак на финансовый сектор возросло на 238 %.

Практика и наука ждут новых, нетрадиционных форм объяснения преступности, кибербезопасности, анализа систем электронного контроля за обществом в период пандемии коронавируса.

Поэтому актуальность представленной на суд читателей книги «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция» не вызывает сомнений. Она затрагивает вопросы, которые волнуют не только правительства разных стран, сотрудников полиции, но и каждого гражданина и в России, и за рубежом. В книге использованы новейшие исследования ООН, Совета Европы, Интерпола, Европола, ЮНЕСКО, а также данные международных научных центров, полиции ряда стран.

Авторы книги являются практическими работниками и учеными: президент Российской секции Международной полицейской ассоциации Юрий Жданов, заместитель председателя правления Сбербанка, отвечающий за вопросы безопасности, Станислав Кузнецов и советник министра внутренних дел России, известный криминолог Владимир Овчинский. Этих авторов связывает совместная служба в МВД России: Владимир Овчинский возглавлял Российское бюро Интерпола, Юрий Жданов и Станислав Кузнецов были руководителями Управления международного сотрудничества МВД России. Они неоднократно выступали в прессе и на крупных международных форумах по самым острым проблемам борьбы с различными видами преступлений и правонарушений.

В книге предпринята попытка объяснить читателям, как в эпоху пандемии менялась преступность, сферы ее влияния, как реагировали на это правоохранительная система и общество в целом, насколько соответствует стандартам соблюдения прав человека складывающаяся в мире и отдельных странах система электронного слежения за распространением пандемии нового коронавируса.

Перед нами откровенный анализ, необычный взгляд на вопросы кибербезопасности и киберугроз. Он говорит о том, что полиция, другие правоохранительные органы и службы безопасности разных стран не всегда готовы

на адекватном уровне противостоять киберпандемии технологической преступности.

Значительная часть книги рассказывает о новых видах преступлений, появившихся в условиях пандемии COVID-19. Это реализация поддельных лекарств, подделка сайтов медицинских и правительственных учреждений, рост домашнего насилия в связи с самоизоляцией и потерей работы, рост социальной напряженности в обществе, а также изменения в наркобизнесе, нелегальной миграции, торговле людьми, незаконном обороте произведений искусства и антиквариата, редких видов флоры и фауны, деятельности экстремистских, террористических групп и мафиозных организаций.

Отдельный раздел книги посвящен вопросам пандемии социальных протестов в США и других странах, совпавших с биологической пандемией.

В книге удачно подобраны приложения в виде новейших документов Всемирной организации здравоохранения, Парламентской ассамблеи Совета Европы, Управления Верховного комиссара по правам человека ООН.

Книга представляет значительный интерес для специалистов различного профиля, политиков, ученых, сотрудников правоохранительных органов, студентов юридических вузов и курсантов полицейских академий.

*Председатель Счетной палаты
Российской Федерации
Алексей Кудрин*

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ. ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ МИР

Аналитики всех стран ежедневно считают заболевших и умерших от пандемии COVID-19 и одновременно строят в своем воображении постпандемический мир. Нельзя не согласиться с популярным сейчас израильским историком и философом Ювалем Ной Харари в том, что «многие краткосрочные чрезвычайные меры станут неотъемлемой частью жизни. Это природа чрезвычайных ситуаций. Они ускоряют исторические процессы. Решения, которые в обычное время могут занять годы обсуждений, принимаются за считанные часы» (Financial Times, 20.03.2020).

В борьбе с эпидемией коронавируса многие правительства внедрили новые инструменты электронного наблюдения. Наиболее заметный случай — Китай. Тщательно отслеживая смартфоны пользователей, используя сотни миллионов распознающих лица камер и обязывая людей проверять и сообщать о температуре своего тела и состоянии здоровья, китайские власти могут не только быстро выявлять носителей коронавируса, но также отслеживать их движения и идентифицировать любого, с кем они вступили в контакт. Ряд мобильных приложений предупреждает граждан об их близости к инфицированным пациентам.

Теперь правительства могут полагаться на повсеместно распространенные датчики и мощные алгоритмы, а не на сообщения агентов. Эта технология не ограничивается Восточной Азией. В США, Израиле, ряде государств ЕС и России

используют технологию наблюдения, изначально предназначенную для борьбы с террористами, для отслеживания случаев заболевания коронавирусом.

Харари боится того, что в последние годы и правительства и корпорации используют все более сложные технологии для мониторинга и манипулирования людьми. «Если мы не будем осторожны, — пишет Харари, — эпидемия может стать важным водоразделом в истории эпиднадзора. Не только потому, что это могло бы развернуть средства массового надзора в странах, которые до сих пор их отвергали, но даже в большей степени потому, что оно означает резкий переход от наблюдения “за кожей” к наблюдению “под кожей”».

Одна из проблем, с которыми мы сталкиваемся при разработке надзора, считает Харари, заключается в том, что никто не знает точно, как глубоко нас контролируют и как это еще углубится в ближайшие годы. Технология видеонаблюдения развивается с бешеной скоростью, и то, что 10 лет назад казалось научной фантастикой, сегодня является нормой жизни.

В качестве мысленного эксперимента Харари предлагает рассмотреть гипотетическое правительство, которое требует, чтобы каждый гражданин носил биометрический браслет, контролирующий температуру тела и частоту сердечных сокращений 24 часа в сутки. Полученные данные накапливаются и анализируются правительственными алгоритмами. Алгоритмы будут знать, что вы больны, еще до того, как вы узнаете об этом, и они также будут знать, где вы были и с кем встречались. Пути распространения инфекции могут быть резко укорочены, а то и вовсе сокращены. Такая система может остановить эпидемию в течение нескольких дней. Звучит замечательно, правда? Недостатком, по мнению Харари, является, конечно, то, что это придаст легитимность «ужасающей» новой системе наблюдения.

Ужас, с точки зрения Харари, заключается в том, что если наблюдающий знает, например, что человек нажал на ссылку Fox News, а не на ссылку CNN, это может рассказать ему о политических взглядах человека и, возможно, даже о его личности.

«Если корпорации и правительства, — пишет Харари, — начнут массово собирать наши биометрические данные, они смогут узнать нас гораздо лучше, чем мы сами. И тогда они смогут не только предсказать наши чувства, но и манипулировать нашими чувствами и продавать нам все, что захотят, — будь то продукт или политик».

Хочется задать Харари вопрос: при чем здесь пандемия и постпандемический мир? Эта цифровая реальность существовала и без пандемии. Цифровая «прозрачность» людей — реальность XXI века. Пандемия не привнесла ничего нового. Просто инструмент наблюдения показал свою полезность с точки зрения защиты людей от опасного вируса. Когда пандемия пойдет на спад, мир вновь введет ограничения на использование инструментов электронного наблюдения.

Суть постпандемического мира останется прежней, но многие его параметры, конечно, изменятся. При чем речь идет о параметрах самого широкого круга проблем — от экономики, социальной жизни, государственного регулирования и контроля до преступности, терроризма, экстремизма, наркопотребления, миграции.

Слои перемен

В 90-х годах *Стюарт Брэнд*, редактор каталога «Вся Земля» и один из основателей фонда «Долгое время», предложил концепцию «слоев перемен». Например, здание заполнено эфемерными объектами, такими как еда и мебель, которые регулярно перемещаются или заменяются. Но в нем также есть системы, к примеру отопление и водопровод, которые должны поддерживаться или заменяться каждые десять лет, и структурная основа, которая может прослужить столетие или больше.

Исследователи Центра международного сотрудничества Нью-Йоркского университета *Дэвид Стивен* и *Алекс Эванс* полагают, что финансовый кризис 2008 года имел три слоя изменений, согласно концепции Брэнда (World Politics Review, 25.03.2020).

Первый слой — неотложная чрезвычайная ситуация — длился пару лет. Первоначально, когда ликвидность исчезла, было много самоуспокоенности. Весной 2007 года Доминик Стросс-Кан, тогдашний глава МВФ, сказал группе национальных и международных лидеров, что худшее уже позади. Компания Lehman Brothers рухнула через шесть месяцев.

Но после медленного старта политики начали действовать. В конечном итоге мировая экономика была спасена от коллапса.

Второй уровень изменений — как результат первоначальных последствий — возник постепенно, так как давление долгового кризиса еврозоны замедлилось и реакция международного сообщества на него была гораздо менее эффективной. Глобальные меры были раздроблены, поскольку правительства еврозоны конфликтовали между собой и с МВФ. Кризис не был взят под контроль до середины 2012 года, когда Марио Драги, тогдашний глава Европейского центрального банка, дал свое знаменитое обещание, что банк сделает «все, что нужно, чтобы сохранить евро». Обычные люди сильно пострадали от мер жесткой экономики, введенных в ответ на кризис, равно как и учреждения и критически важная национальная инфраструктура. Греция, например, претерпела «постепенное разрушение системы общественного здравоохранения», лишившее страну ее устойчивости к следующему шоку. Страна очень уязвима сейчас, во время пандемии COVID-19.

Но это был **третий и самый медленный слой изменений** после кризиса 2008 года, который нанес самый коварный и длительный ущерб, поскольку доверие к правительствам рухнуло, политика стала все более поляризованной, а основа для глобальных коллективных действий была подорвана. В результате популисты получили свободу действий, поскольку правительства, традиционные политические партии и международные институты самоустранились от решения проблем.

Слои перемен COVID-19

Дэвид Стивен и Алекс Эванс полагают, что, по мере того как нынешняя пандемия распространялась по миру, появились три аналогичных слоя.

Первый — это чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, которая может продлиться два года. Вирус будет оставаться угрозой до тех пор, пока не будет разработана вакцина. К осени 2020 года в мире разработано несколько вариантов вакцин. Но проблему это не решило, поскольку началась их конкуренция.

Далее возникают последствия **второго слоя пандемии**. Все уже увидели, как быстро инфекционное заболевание может разрушить финансовые рынки. Более того, мы сегодня столкнулись с непредсказуемым влиянием вспышки COVID-19 на другие глобальные проблемы, такие как потоки беженцев, конфликты в горячих точках или изменение климата. В частности, бомба замедленного действия тикает в «забытых местах» мира — лагерях беженцев, тюрьмах (здесь уже были отмечены волнения и беспорядки), трущобах и т. п. Когда люди плотно сконцентрированы, вирусы распространяются быстро, и болезнь может усугубляться множеством уже существующих патологий здоровья. Помощь самым кризисным группам будет запаздывать из-за опасений властей, что официальные меры усугубят дискриминацию и приведут к серьезным нарушениям прав человека.

Еще более опасна замедленная социальная чрезвычайная ситуация, которая также уже развивается и против которой у государственных структур мало средств защиты.

Правительства ряда государств вступили в этот кризис с уже крайне низкими уровнями доверия и поляризации их обществ. У них также отмечается нехватка финансовых средств, чтобы инвестировать в эффективные ответные меры, поскольку государственные финансы находятся в гораздо худшем состоянии, чем в преддверии шока 2008 года.

Высокий уровень корпоративного и бытового долга еще более усугубляет уязвимость многих стран.

Чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения

Общие глобальные ответные меры предоставляют правительствам прикрытие, которое им необходимо принять, и поддерживают болезненные решения общественного здравоохранения. Например, в условиях карантинного положения одобрялось радикальное сокращение свободы передвижения населением и различными политическими группами. Но рассчитывать на постоянный высокий уровень такой поддержки нельзя, если люди будут заперты дома на месяц или более. В ряде стран такая поддержка сменилась на масштабные акции протеста.

Экономические шоки

Правительства уже запустили первую из многих волн фискального стимулирования. Но эти меры будут наиболее эффективны, если они будут действовать сообща и направлять свои ресурсы тем, кто в этом больше всего нуждается. Мир сталкивается с драматичным снижением спроса, а не кризисом ликвидности или предложения, который может быть решен только путем оказания помощи работникам и представителям среднего класса, а не элитам, несоразмерно выигравшим от ослабления ограничений, которое помогло вывести мир из глобального финансового кризиса.

Многие отрасли мировой экономики потребуют помощи, и сейчас начинается волна национализации. Работая согласованно, правительства могут принять меры, при которых акционеры и кредиторы несут большую часть нагрузки, а государственные средства используются для того, чтобы люди были платежеспособными и возвращались к работе, как только это будет безопасно. Нельзя допускать всплеск выселений и повторных захватов, как это было в предыдущих кризисах.

Дэвид Стивен и Алекс Эванс считают, что правительства не должны повторять ошибки 2008 года, вызывающие народный гнев. Поскольку глобальная гуманитарная система уже истощена из-за беспрецедентных расходов, срочно потребуются вливание дополнительных ресурсов. Организации и учреждения, занимающиеся вопросами развития, должны адаптироваться к будущему, в котором все меньше развивающихся стран смогут выжить благодаря экономическому росту, обусловленному экспортом. Прежде всего, надо выйти за рамки простой риторики о построении более равных обществ. Исторически война часто приводила к резкому сокращению неравенства, поскольку богатые платят более высокую долю налогов, а действия правительства приводят к уменьшению доходов инвесторов. В связи с ростом безработных необходимы денежные переводы в краткосрочной перспективе и основной доход в среднесрочной перспективе, а также, возможно, прощение долга. Первоначально эти меры могут быть обеспечены за счет государственных займов, но в конечном итоге богатым придется оплачивать большую часть счета, а бремя налогообложения переходит от труда к капиталу. В противном случае неизбежно сам современный капитализм будет все больше терять свои позиции.

Позиция Дэвида Стивена и Алекса Эванса в сравнении с расчетами других аналитиков выглядит излишне оптимистично. Например, известный американский экономист *Нуриэль Рубини* полагает, что для глобальной экономики *шок, вызванный COVID-19, оказался более быстрым и более жестким, чем мировой финансовый кризис 2008 года (МФК) и даже Великая депрессия*. В тех двух случаях фондовые рынки упали на 50 % (или больше), кредитные рынки были заморожены, начались массовые банкротства, уровень безработицы подскочил выше 10 %, а ВВП в годовом исчислении сократился на 10 % или более. Однако потребовалось *три года*, чтобы все это произошло. А в нынешнем кризисе такие же ужасающие макроэкономические и финансовые события материализовались в течение всего *трех недель* (Project Syndicate, 24.03.2020).

Большинство успокаивающих себя и общество комментаторов ожидали резкого V-образного спада, когда ВВП быстро снижается в одном квартале, а затем быстро восстанавливается в следующем. Однако сейчас уже понятно, что кризис, вызванный COVID-19, абсолютно уникален. Происходящее сейчас сжатие экономики не выглядит как V-образное, U-образное (медленное восстановление) или L-образное (резкий спад, за которым следует стагнация). Оно выглядит как **I: вертикальная линия, демонстрирующая падение финансовых рынков и реальной экономики.**

Даже во время Великой депрессии и Второй мировой войны основная часть экономической деятельности не прекращалась так катастрофически, как это происходит сегодня в Китае, США и Европе. Наилучшим сценарием станет спад, который (с точки зрения снижения кумулятивного глобального ВВП) будет намного более суровым, чем кризис 2008 года, однако недолгим, что позволит вернуться к позитивным темпам роста.

Реализации наилучшего сценария препятствует то, что действия системы здравоохранения в развитых странах пока что весьма далеки от того, что нужно для сдерживания пандемии, а обсуждаемые сейчас бюджетные меры не являются ни достаточно объемными, ни достаточно быстрыми, чтобы обеспечить условия для своевременного восстановления (за исключением США, где приняты решения о триллионных вливаниях в экономику страны. — *Авт.*). И поэтому, считает Рубини, **риск начала новой Великой депрессии (причем гораздо более глубокой, т. е. еще Более Великой депрессии) увеличивается с каждым днем.**

Если пандемия не будет остановлена, экономика и рынки во всем мире продолжают свободное падение. Однако даже в случае, если пандемию удастся более или менее сдержать, экономика тем не менее может так и не начать расти до конца 2020 года. Дело в том, считает Рубини, что к концу года весьма вероятно начало нового вирусного сезона с новыми мутациями, а терапия, на которую сегодня многие рассчитывают, может оказаться менее эффективной, чем ожидалось.

Восстановление надежды и сплоченности

Вернемся к эссе Дэвида Стивена и Алекса Эванса. Особое значение они придают сохранению демократии в постпандемическом мире. Демократии, по их мнению, *не могут позволить себе почувствовать, что авторитарные правительства лучше справились с задачей подавления пандемии.*

Они весьма обеспокоены тем, что Китай уже противопоставляет свою решительную реакцию на вспышку COVID-19 ошибке демократических систем. Китайские СМИ в настоящее время хвалят председателя КНР Си Цзиньпина за спасение нации, в то время как посольства страны начали глобальную пропагандистскую кампанию по отрицанию того факта, что именно Китай стал источником заражения.

Система здравоохранения Китая может предложить ценный опыт и, конечно, по мнению американских исследователей, должна восприниматься как партнер. Но демократические правительства должны создавать модели, которые соответствуют их собственным ценностям, борясь с пандемией не только заручившись поддержкой своих граждан, но и при активном участии всех слоев общества.

Это означает, что лидеры гражданского общества, религиозных объединений, молодежных организаций и предприятий, по мнению Дэвида Стивена и Алекса Эванса, с самого начала должны быть в авангарде реагирования на чрезвычайные ситуации. Транснациональные компании могут помочь, создавая новые стандарты для эффективной виртуальной работы; наращивая производство продуктов, спасающих жизнь, что уже пытается сделать группа руководителей, созванная Всемирным экономическим форумом; разрабатывая планы по сохранению рабочих мест в отраслях, которые могут быть уничтожены в результате пандемии.

Компании, осуществляющие свою деятельность в социальных сетях, и СМИ будут играть важную роль в формировании представлений о причинах возникновения пандемии, особенно когда речь идет о противодействии распространению дезинформации на их платформах.

Волонтерские общественные организации мобилизуются во внушительных количествах и должны финансироваться, чтобы они могли быть наиболее эффективными в защите уязвимых групп населения, предоставляя виртуальные услуги, предлагая психосоциальную поддержку в борьбе с одиночеством и приступая к тяжелой работе по восстановлению устойчивости на уровне сообщества.

Правительства должны наладить эффективную обратную связь с населением. Очень немногие из них задумываются о необходимости прислушиваться к людям и сообществам во время кризиса.

На наш взгляд, предлагаемые американскими исследователями меры больше напоминают праздничные лозунги. При этом вряд ли стоит примитивизировать проблему и сводить ее к банальному сравнению демократии и авторитаризма. В самых разных ответных мерах на пандемию на национальном уровне проявилась фундаментальная важность *эффективного управления независимо от типа режима*.

Следующие шаги

В 2008 и 2009 годах была оперативно проведена серия чрезвычайных встреч на высшем уровне для преодоления глобального финансового кризиса. В современном мире, хотя коллективные действия не следует воспринимать как должное, ожидается, что, как и в 2008 году, правительствам удастся собраться вместе для координации ответных мер и что это приведет к обмену информацией, необходимой для предотвращения инфекций и лечения больных.

Но, как и в 2008 году, срочное, скорее всего, вытеснит важное. Поэтому важно *планировать среднесрочные и долгосрочные задачи, указанные выше, и немедленно разработать варианты действий после того, как пандемия будет взята под контроль*.

В сетевом мире потребуются новые формы сотрудничества, которые полностью стирают грань между государством и негосударственными субъектами.

Дэвид Стивен и Алекс Эванс заключают свое эссе словами: *«Мы все должны решить, считаем ли мы себя отдельными островами или частью “Большого Мы”, которое понимает и действует на основе нашей необратимой взаимозависимости. В свете грядущих глобальных кризисов в этом испытании мы не можем позволить себе потерпеть неудачу».*

Здесь с ними нельзя не согласиться.

Условность всех прогнозов

Судя по противоречиям во мнениях аналитиков различных стран, все они полагают, что вирус будет блокирован, экономика восстановлена и жизнь пойдет своим чередом, пусть и с большими изменениями. Это так называемый ***оптимистичный сценарий***. На это надеются люди нашей планеты. Но никто не застрахован от крупных военных и социальных конфликтов в период борьбы с пандемией, от стихийных бедствий и крупных катастроф. Тогда может возникнуть ***апокалиптический сценарий***. И в какую сторону качнется маятник Истории, неизвестно!

Кто, например, мог предвидеть, что в разгар пандемии смерть во время задержания афроамериканского маргинала Флойда может взорвать США, Европу, Канаду, Австралию и вызвать волну антиполицейских и антирасистских протестов, погромов и мятежей, которые сопровождалась грабежами, насилием, поджогами, захватом государственных учреждений и сносом исторических памятников? Пандемия анархии сплелась в один клубок с пандемией COVID-19.

Авторы выносят на суд читателей некоторые соображения по поводу необычных и во многом трагичных событий 2020 года.